
ФИЛОСОФИЯ ЗА РУБЕЖОМ

Р. БЛАНШЕ

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ. ПАРИЖ. 1972.

ГЛАВА II. ОБЛАСТЬ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

Трудно провести демаркационную линию, которая отделяет эпистемологию от смежных дисциплин. Но это вопрос терминологии и, стало быть, свободного выбора, который подчеркивает не истинное и ложное, а приемлемое. Чтобы судить об этом, необходимо учитывать вариант, который одновременно кажется и самым общеупотребительным, и самым точным по значению. Когда эти два критерия придут в согласие, будет достигнуто определение, то есть установление границ области, заслуживающее большего доверия. Но трудность также заключается в том, что в каком бы виде ни был уточнен смысл слова, границы, которые будут намечены, останутся туманными, так как проблемы эпистемологии часто выходят за пределы сфер, которые могут существовать вне этих обозначенных эпистемологией границ. Необходимо будет иметь в виду эти оговорки при чтении нижеследующего текста.

I. Эпистемология и теория познания

В целом соотношение эпистемологии и теории познания подобно соотношению вида и рода: эпистемология ограничивается единственной формой познания – научным познанием. Тем не менее различие теряет силу, когда род сводится только к этому виду у тех авторов, которые оставляют право именоваться познанием только его научной форме, принимая все остальное за словесную игру без познавательного значения. Так считали, например, венские неопозитивисты, так же считают и представители логического эмпиризма. Р. Карнап признает теорию познания законной настолько, насколько она соотносится с эпистемологией или, точнее, с логическим анализом науки. Во Франции Л. Ружье, который выражает

свое согласие с логическим эмпиризмом, озаглавил свою книгу «Трактат познания», хотя, по словам автора, надо было бы назвать ее более точно, а именно – «Структура научного познания», ибо, с его точки зрения, кроме научного, нет другого познания.

Здесь следует подчеркнуть, что такое утверждение имеет общефилософский, а не научный характер. Безусловно, науке надлежит устанавливать свои собственные границы, принимать или отвергать тот или иной порядок умозрительных построений. Существуют «ложные науки», для которых этот вопрос давно четко решен, и уже Р. Декарт предостерегает «не быть обманутыми ни обещаниями какого-нибудь алхимика, ни предсказаниями астролога, ни проделками мага»¹. Тем не менее Декарт считал, что подобно тому, как дерево питается своими корнями, наука питается метафизикой. Даже сегодня для науки полезны разговоры о том, признает ли она научный характер за исследованиями в области телепатии или даже за физиогномикой или графологией, а также за дисциплинами, которые объединены под наименованием «нормативные науки». И все же это не проблема научного знания – имеются или нет возможности познания за пределами науки. На подобный вопрос обращает внимание и общая теория познания, одной из целей которой является именно определение места научного познания среди других возможных его форм. Существуют ли подходы в познании, которые отличаются от научных подходов? Одни обращают внимание на такие умственные или полуумственные способности, как сердце (как говорится, «где трудится голова, там трудов для сердца мало») или интуиция, понимаемая как «способность, освещенная разумом», – все то, что могло бы подтвердить подлинность познания мистического или метафизического. Другие предлагают направить наши собственные способности к «постижению сущностей» и тем самым основать по ту сторону фактической науки науку феноменологическую. Даже если ответить на подобные притязания категорическим отказом, мы не можем совсем обойти стороной некоторую философию познания.

Принимая теоретическое разделение между эпистемологией и теорией познания, необходимо понимать, что в действительности это различие не всегда было объектом наблюдения, прежде всего

¹ Декарт Р. Соч.: в 2 т. – М., 1989. – Т. I. – С. 255.

ввиду причин, обусловленных терминологией. За неимением простого существительного, способного производить прилагательное и наречие, выражение «теория познания» заменено более удобным словом – «эпистемологией». Были попытки предотвратить этот недостаток, придумав слово «гносеология», но данный неологизм не очень прижился; его используют порой на итальянском, но он исключительно редко встречается во французском и английском языках, где считается педантичным, и практически не существует в немецком, если только не иметь ввиду классические термины *Erkenntnistheorie* и *Erkenntnislehre*. Так, очень легко противопоставляются друг другу эпистемологическая и онтологическая точки зрения: эпистемологический дуализм познающего субъекта и известного объекта – онтологическому дуализму души и тела и пр. Но при всей путанице между двумя терминами существуют более веские причины, чем простая ограниченность терминологических возможностей. Совершенно понятно, почему для Ж. Пиаже, например, термины «эпистемология» и «теория познания» синонимичны. Дело в том, что наука и научное мышление постепенно и одновременно складываются при прогрессе обществ и развитии индивидуума, никогда не достигая состояния законченности. В этих условиях любая наследственная эпистемология, идет ли речь об истории наук или о психологии ребенка, неизбежно расширяется до теории познания, так как она намеревается «проскочить» все стадии, с помощью которых достигается то, что мы сегодня считаем научным познанием. Иными словами, эпистемология стремится рассматривать познание в формах, которые мы можем воспринимать как донаучные и которым, однако, не можем отказать в познавательной ценности, так как они, эти формы, подготовили все последующие достижения.

II. Эпистемология и философия науки

Труднее разграничить эпистемологию и философию науки из-за неясности термина «философия науки». В широком смысле слова эпистемология входит в науку как один из разделов. Так считают некоторые исследователи. Другие идут еще дальше и «сжигают мосты» между двумя понятиями. Они действительно желают предостеречь эпистемологию от любого компромисса с философи-

ей и избегают ее применения. Это естественно для тех, кто не склонен рассматривать какие-либо формы познания, кроме научного, тем самым исключая всякую философию, которая не ограничится анализом науки, и, более того, этот анализ должен быть проведен согласно научным методам. В настоящее время эпистемология на самом деле как будто постепенно ускользает из рук философов и окончательно переходит к самим ученым. Последовательное возложение ответственности за эпистемологические проблемы на узкоспециализированных ученых – одна из черт современной эпистемологии. Это происходит не по прихоти мимолетной моды, а потому, что недавние кризисы, пережитые различными науками, и научные революции, жизненно необходимые для дальнейшего развития, вынудили тех, кто ими занимался, вновь обратиться к своим теоретическим положениям и поразмыслить об их основаниях. Это не просто игра слов, когда Л. Бруншви́г говорит, что достижения в науке не всегда успешны, и поэтому могут быть также рефлексивными. В том же духе Г. Фрай делит достижения на линейные и циркулярные. Именно рефлексивный или циркулярный прогресс иллюстрирует современное развитие двух типов эпистемологии, которые можно отнести к имплицитным и региональным: имплицитным – потому что они разработаны увлеченными учеными внутри специализированного знания; региональным – потому что каждый из них создается для потребностей определенной науки. Так, с начала XX столетия именно математики, а вовсе не философы, заняты устранением противоречий и выходом из кризиса научных оснований; именно благодаря способам и средствам снабжения, которые свойственны формализму, будут признаны внутренние ограничения формализмов. В той же мере вопрос относительности расстояний, длительностей и скоростей обсуждался учеными, и когда Бергсон пожелал взяться за это – А. Бергсон, чьи первые труды были посвящены механике, – он вскоре был вынужден отступить. Позднее он дискредитировал себя как философа, решив вмешаться в идейный спор индетерминизма, в котором столкнулись исследователи, изучающие квантовую физику.

Безусловно, размышление о науке, возрожденное в наши дни теми затруднениями, которые внезапно появились в основаниях самой науки, имеет склонность постепенно ограничиваться рамка-

ми научной дисциплины, с одной стороны, обращаясь к средству уточнения, каковым является язык материально-технического обеспечения, с другой – стремясь упрочить связи с фактами, которые могли бы относиться и к историческому, и к психогенетическому порядкам. Однако даже при старании отгородиться от того, чем, собственно, является размышление о науке, практически не удается полностью освободиться от всякой философии.

Прежде всего установлено, что, в сущности, некоторые из значительных эпистемологий нашего времени остаются приобщенными к философской традиции вне зависимости от того, порождают ли они ее или стремятся утвердить, уточняя ее положения: приходят на ум в первую очередь Э. Мейерсон, Э. Кассирер, Л. Бруншвиц, А. Эддингтон, Г. Башляр, Ф. Гонсет. Далее следует заметить, что рядом или, скорее, над эпистемологиями узкого местного профиля существуют проблемы общей эпистемологии, покушаться на которые ученому, конечно, никто не запрещает, но которые превосходят компетенцию профильного специалиста. Узкая эпистемология в эпоху крайнего разветвления научной деятельности может иметь всеобщий характер только в условиях междисциплинарности, где философ мог бы оказаться не на месте или где ученый превратился бы в философа. И, наконец, самое главное: узкие и региональные эпистемологии не могут рано или поздно не выходить на вопросы, которые можно квалифицировать как околонучные в том смысле, что они продолжают разделять ученых, методы которых не могут их решить. Эти проблемы можно называть и философскими, поскольку они вписываются в философскую традицию.

Разумеется, вдумчивый возврат к принципам и методам науки не всегда приводит к философии. Не всякая метанаука обязательно имеет философский характер. Так, метаматематика У. Гильберта и К. Гёделя, представляющая собой рассуждение о математическом языке, действует по тем же законам математической логики. Но так как анализ поддается бесконечному разрастанию (каждый метаязык может быть использован как объект для метаязыка вышестоящего уровня), по мере того, как совершается подъем по иерархии метаязыков, в дискуссиях ученых постепенно в обновленных формах будут проявляться старые философские проблемы, а сами ученые, как и бедные философы, разделятся на два клана, которые не

придут к единому мнению в двух смыслах слова: не договорятся о решении, а также по-настоящему не поймут друг друга. Особо поучительный пример представлен нам логико-математическими науками, в которых общим местом давно стало сопоставление достоверных истин в нескончаемых ученых спорах, которые могли бы быть уделом философов. Но как только рассуждения доходят до определенного уровня и появляется необходимость уточнить философию их науки, среди логиков и математиков вновь разгораются бессмысленные дискуссии между платониками и номиналистами, дискуссии, которые, каковы бы ни были их контекст и аргументы, не прерывают преемственной линии в отношении старой метафизической проблемы, из-за которой в Средние века сталкивались реалисты и номиналисты. С одной стороны – Б. Больцано, Ф. Фреге, ранний Б. Рассел, нынешний А. Чёрч; с другой – Г. Л. Ф. Гельмгольц, «венская школа», У. Куайн, Н. Гудмен.

Если задача состоит в том, чтобы отличать эпистемологию от философии науки, то можно сказать, что либо благодаря разнице охвата проблем эпистемология становится частью философии науки, причем, несомненно, сегодня, как никогда, самой близкой к науке по духу и методам; либо она расширяется до статуса переходной дисциплины между наукой и философией, захватывая своими краями и ту и другую.

III. Эпистемология и методология

Нужно ли видеть в эпистемологии и методологии две различные и просто связанные дисциплины, или, напротив, включить одну из них во вторую как составную часть? «Словарь» А. Лаланда их разделяет. Он считает, что эпистемология не есть изучение методов науки, поскольку это является объектом методологии и входит в задачи логики, тогда как эпистемология представляет собой главным образом критическое изучение принципов, гипотез и результатов различных наук. Таким образом, методология якобы должна относиться к логике и стать ее разделом. Сегодня подобное разделение больше защищать нельзя. Оно объясняется прежде всего историческими причинами, во многом случайными и уже отжившими свое. Около 1900 г. во французском университетском образовании было принято наделять слово «логика» очень широ-

ким смыслом. Значение понятия разделялось на две части: так называемая общая логика, которая абстрагировалась от объектов, являющихся предметом познания и занимающих центральное место в формальной логике, и специальная, или прикладная, логика, которая изучает методы, присущие каждой из разнообразных наук. Так, методология оказывалась включенной в логику на правах одного из разделов. Однако такое расширение термина «логика» больше не соответствует тому, что сегодня называется логикой. Если она с ней и граничит, то методология остается ей в действительности чуждой. Вот почему мы не посчитали уместным добавить сюда рубрику об эпистемологии и логике.

Необходимо ли тогда, отбрасывая в сторону идею о включении методологии в логику, просто противопоставлять ее эпистемологии? Затруднительно заниматься критическим изучением принципов различных наук по «их ценности и объективной важности», как добавляет А. Лаланд, не размышляя в то же время о природе и качестве подходов, с помощью которых они образуются и достигают знания, обладающего объективной ценностью. Ж. Пиаже разумно отмечает, что «эпистемологическое размышление всегда зарождается по случаю “кризисов” в той или иной науке, и эти “кризисы” проистекают из недостатка предшествующих подходов и должны быть преодолены благодаря созданию новых подходов». Вот почему он включает анализ научных методов в эпистемологию. В самом деле, два способа исследования с трудом поддаются разъединению. Когда А. Пуанкаре выделял роль индукции в размышлении для арифметики, он занимался методологией; но с той важностью, которую сейчас обретают в математике понятия *индукция* и *применение индуктивных процессов*, для эпистемолога становится невозможно пренебрегать этим знанием или просто ставить его в ряд с другими. Так же в одном из самых широких течений современной эпистемологии, в том, которое происходит из логического эмпиризма, активизировались исследования индукции, условий проверки или подтверждения экспериментальных предположений и пр., но они не претендуют на роль отдельного новаторского «ручейка» в данном течении.

Значит, не в область логики (не в устаревшем значении слова), но в область эпистемологии следует поместить методологию.

IV. Эпистемология и гуманитарные науки

Гуманитарные науки, как и науки вообще, преследуют в эпистемологии те же цели. Ее отношение к этим наукам в целом аналогично тому, какое она поддерживает с математическими и естественными науками. Относительно этих наук она располагается на вышестоящем уровне, откуда господствует над ними. Эпистемология властвует, конечно, более или менее высоко. В той мере, в какой эпистемологическая рефлексия непосредственно порождена трудностями научной деятельности, она остается достаточно близкой к этой деятельности в том, что является в ней характерным: так, частная эпистемология в математике ярко отмечена мышлением и методами математиков и кажется совсем чуждой гуманитарным наукам. По той же причине активные изыскания и споры о подходе к началу и продолжению исследований, в которых сталкиваются историки, психологи, экономисты или лингвисты, буквально пронизаны вопросами, которые и составляют предмет этих наук. Но все-таки они не отличаются друг от друга по своей природе так, как метанаука отличается от науки, при этом будучи целиком обращенной к ней. В то время как рефлексия отступает от своего непосредственного предмета и охватывает более широкую систему, она освобождается от того, что является для него характерным. Общая эпистемология, которая относится к совокупности наук, больше не принадлежит гуманитарным наукам и, кажется, также не принадлежит математике или физике.

Ситуация, тем не менее, непростая, и можно задаться вопросом: насколько эпистемология путем крутого изменения в обратном направлении может оторваться от гуманитарных наук?

Установлено, что таковыми, например, представляются дела в общественных учреждениях, по крайней мере во Франции. Идет ли речь об академиях, университетах или о национальном центре научных исследований, эпистемология занимает место среди так называемых «моральных» или «гуманитарных» наук. Так, Г. Башляр был членом Академии моральных и политических наук и заведовал кафедрой на факультете филологии и гуманитарных наук. Отставание институций, пережиток прошлого? Без сомнения, од-

нако должны быть не только случайные, но и неслучайные причины, так как часто сомневаются те, кто больше всего склонен утверждать «научность» эпистемологии. Вспоминается, например, М. Бротбек, который считал, что среди четырех различных способов философствовать о науке (от которых, впрочем, он сам в итоге отказался) только изучение ее отношений с ученым и с обществом превращает науку в человеческую деятельность и социальное явление. Так же и Х. Рейхенбах приписывает эпистемологии три последовательные задачи: первая освобождает от психологии и социологии и вписывается в «контекст открытия»; далее вступает в «контекст обоснования», в работу по «рациональной реконструкции» самого процесса открытия; наконец, задача действительно критическая, уже начатая в рациональной реконструкции, но только сейчас полностью освобожденная от отношений с эмпирическими причинами открытия. Истинной задачей эпистемологии является именно третья, но она предполагает вторую задачу, которая предполагает, в свою очередь, первую. Если мы правильно понимаем, здесь происходит разделение на два типа – описательный и критический, стремление охватить науку как предмет изучения: или ввиду того, что она существует под видом факта психологического, социологического и исторического порядка, или ввиду того, что она стремится достичь величинной и вневременной достоверности.

В таком случае можно исключить как нечто внешнее для эпистемологии историю науки и психологию научного открытия, так как они принадлежат к эмпирическим наукам, связанным со знанием фактов, включенных в пространственно-временной поток, тогда как логический анализ науки имеет другую природу. Принимая первый выбор, необходимо сразу же для ее уточнения принять и второй: отвергнуть разделение между двумя способами исследования или принять то, что эпистемология, оставаясь отличной от истории, социологии и психологии, должна в достаточной мере обогащаться этими дисциплинами, оказывающими ей поддержку. К первой группе присоединились эпистемологи, которые причисляют себя к логическому эмпиризму. Их труды в основном исходят

из того, что мы сегодня принимаем за науку, то есть за *настоящую* науку, – за ту, которая избавляет от всякого обращения к прошлой истории. И в ней за объект анализа они принимают язык – тот инструмент, который устраняет всякое вторжение умозрительных принципов. В поддержку такого понимания эпистемологии можно привести доказательства. Но это не закрывает путь для других возможностей. Ограничивать эпистемологию только современной наукой – значит лишить ее истории. Но поскольку наука является творением человека, к ее результатам можно приобщить данные, которыми нас могут обеспечить гуманитарные науки. Следовательно, ей нужно занять место в парадигме, которая поощряет подтверждение эпистемологического рассмотрения явления историческими или психологическими данными. Эпистемологи французской школы чаще предпочитали следовать дорогой, открытой У. Вьювелом и Э. Махом, извлекая уроки из истории наук. Это не те авторы, что продолжают традицию Г. В. Ф. Гегеля и К. Маркса. Напротив, они пренебрегают проблемами исторического прогресса и социальных влияний. С другой стороны, наука совсем не ограничивается тем, что написано в книгах. Она как бы находится в умах тех, кто умеет читать эти книги, и, конечно, в умах тех, кто их пишет. Безусловно, эпистемология обязана воспроизводить *historiola animae* (живую историю), так как мысли, направленные на поиск истины, подобно фактам, не выстраиваются последовательно друг за другом. Но она не могла бы и оставаться абсолютно равнодушной к умственным структурам, которые благоприятствуют или, напротив, препятствуют возникновению научных идей. Изучение Р. Бертло «астробиологического» мышления, исследование Л. Ружье «онтологического», «анимистического», «символического» склада ума, объяснение Р. Ленобль «рождения аппарата», то есть современного научного мышления, потребовали огромного усилия, чтобы освободиться от «натурализма» Ренессанса. Во всех случаях подобные работы исторического или психологического характера не выходят за пределы области интереса эпистемологии. И если Г. Башляр во второй половине своей научной карьеры параллельно с исследованиями по эпистемологии занимался вопросами поэти-

ческого воображения, которые вызвали интерес у широких кругов публики, нельзя забывать, что им предшествовал его труд «Формирование научного духа: введение в психоанализ объективного познания», где автор на основе исторических сведений занимается анализом психологического порядка и благодаря этому подходу именно здесь вычленяет одно из важных понятий эпистемологии – эпистемологическое препятствие. Можно также вспомнить Ж. Пиаже и согласиться с его идеей полного соответствия между онтогенезом и филогенезом, с тем, что, например, последовательное изучение стадий, при прохождении которых ребенок достигает, как говорится, зрелого возраста, представляющего для западной цивилизации момент приобретения интеллектуальных склонностей, благодаря которым проявляется способность к научному мышлению. Этот возраст может в некоторых случаях разрешить эпистемологические споры о происхождении того или иного научного понятия, например понятия числа или того или иного принципа (например, принципа причинности).

Отношение эпистемологии к гуманитарным наукам, на наш взгляд, можно выразить следующим образом. С одной стороны, не ограничивать эпистемологию анализом научного языка, что представляется плодотворным, но слишком узким и частичным решением, предоставить ей более обширное поле для исследований, в первую очередь таких, в которых занимаются поступательной конструкцией научного здания, зарождением и развитием научного мышления и для которых обращение к гуманитарным наукам крайне необходимо. С другой стороны, не надо относить эпистемологию к гуманитарным наукам и ставить ее ниже последних, как это делается в некоторых случаях, потому что она, даже если на практике не всегда ясно деление между намерениями и средствами, между задачей эпистемологии и теми учениями, к которым она обращается для достижения своей цели, занимается исследованием социогенеза и психогенеза. Американские эпистемологи в своих работах обычно прибегают к возможностям языка как системы, но это не повод помещать эпистемологию в ряд формальных наук. Однако верно и то, что призыв европейских эпистемологов, кото-

рый обращен к возможностям гуманитарных наук, не кажется нам достаточной причиной для включения эпистемологии в их число. Что касается мотивов распределительного удобства, которые могут определять это сближение, то они, очевидно, не должны выступать здесь в роли посредника.

*Перевел с французского И. А. Абрамкин,
студент V курса исторического факультета МГУ,
кафедра отечественного искусства*